

О ЯНЕ ГЕМПЕЛЕ

Воспоминания Ю. Ковальчика

Теперь уже не могу точно вспомнить, когда и при каких обстоятельствах я впервые встретился с Яном Гемпелем. Со дня этой встречи прошло более сорока лет. Я пришел к нему как-то в середине 1923 г., в Варшаве, по партийному поручению. Он встретил меня с улыбкой и сразу же стал разговаривать со мной как с хорошим знакомым, так что я даже не почувствовал дистанции, которая отделяла меня, молодого тогда еще партийного работника, от старого, пользующегося известностью общественного деятеля.

Комната, в которой он меня принимал, выглядела аскетически скромно. Вдоль стен тянулись книжные полки из простых, некрашенных досок. Рядом с окном стоял большой стол, напоминавший чертежную доску и заваленный бумагами и газетами, несколько стульев и еще столик. Вот, пожалуй, и всё. Почти так же выглядела его комната и на другой квартире, в которой мне пришлось побывать через несколько лет.

Простота обращения и скромное убранство жилья гармонично сочетались со всем образом его жизни, с отношением к людям, и это составляло характерную черту его личности.

* * *

Сложным был жизненный путь Гемпеля, прежде чем он нашел дорогу к Коммунистической партии и стал одним из видных деятелей, наиболее ценных широкоми трудящимися массами.

Он родился 3 мая 1877 г. в помещичьей семье и уже в школьные годы отличался любознательностью и большой начитанностью. Окончив ремесленное училище, он работал землемером и учителем, продолжая интенсивно заниматься самообразованием. Он увлекался научными открытиями, художественной литературой, искусством.

Гемпель жаждал узнать как можно больше об окружающем его мире, о человеческих взаимоотношениях и общественных конфликтах. Воспитанный в свобододолюбивых традициях (в его семье постоянно поддерживалась память об освободительной борьбе за независимость Польши), молодой Гемпель чутко реагировал на всякое насилие, угнетение, эксплуатацию. Его живой ум стремился выявить причины социальных несправедливостей и познать пути и средства к их уничтожению.

Первое десятилетие XX века Гемпель скитался по Европе, Азии и Южной Америке; во время этих скитаний он брался за любую работу. Он был землемером, педагогом, библиотекарем, редактором, публицистом. В столкновении с буржуазным миром все больше росла его ненависть к капиталистическому строю, крепло сознание необходимости обще-

ственных преобразований. Но идейное развитие Гемпеля в эти годы было весьма противоречиво. Свободолюбивый человек, враг церкви и сторонник общественного прогресса, он вначале следовал туманным идеалам перестройки мира путем «всестороннего развития» человека, а потом стал на некоторое время последователем анархо-синдикализма, придерживаясь утопических взглядов на возможность преобразования общества путем развития кооперации.

После возвращения на родину, еще до первой мировой войны, а также в годы войны, он работал в рядах революционной ППС, так называемой «левицы»¹, в Люблине и в Варшаве, где принимал участие в профсоюзном и кооперативном движении. Но он еще долго придерживался во многих вопросах старых, ошибочных взглядов. Со временем Гемпель стал приверженцем Октябрьской революции и приветствовал революционные события в западных странах, в результате которых были разорваны цепи рабства и созданы условия для независимости Польши. Однако в исторический момент объединения двух революционных партий польского рабочего класса — СДКПиЛ и «ППС-левицы» — в единую Коммунистическую партию (декабрь 1918 г.) Гемпель остался в стороне.

Идеалистические взгляды помешали ему тогда стать членом Коммунистической партии. Он занимался просветительской работой и участвовал в кооперативном рабочем движении, инициатором и идеологом которого он являлся.

Взгляды Гемпеля начинают постепенно меняться. Укрепление в Польше господства капиталистов и помещиков, военные действия против Советской страны в 1920 г., усиление угнетения народных масс и рост Коммунистической партии — все это не могло не воздействовать на эволюцию его взглядов.

Руководство кооперативного движения, возглавлявшегося Гемпелем, так же как и загнанная в подполье Коммунистическая партия, осуждали военную политику правящего класса, призывали к солидарности с Советской Россией, выступали против соглашательских элементов. За публикацию антивоенных материалов орган Союза «*Spróbździelca*» систематически конфисковывался, а его редактор Гемпель был приговорен судом за статью «Что съедает армия» к полутора годам тюремного заключения.

В те годы, работая в союзе рабочей кооперации, Гемпель все больше и больше сближается с коммунистами, находя у них поддержку и помощь. В 1921 г. он вступает в ряды Коммунистической партии.

Позади остались годы исканий. Гемпель с огромным энтузиазмом погружается в партийную деятельность. Он принимает активнейшее участие в развитии массовой культурно-просветительной работы.

Гемпель преподает в варшавском Народном университете, в рабочих и молодежных клубах. «Ян Гемпель пользовался среди рабочей молодежи не только авторитетом, — вспоминает один из членов этого клуба, — но и симпатией и любовью, благодаря своей простоте и юмору»².

Он был одним из основателей и руководителей издательства «*Książka*», выпускавшего в свет марксистские работы, в том числе ряд работ Ленина. Под редакцией Гемпеля и при его активном авторском участии издается известный научно-популярный еженедельник «*Kultura Robotnicza*», а затем «*Nowa Kultura*».

Помню, как после запрещения полицией «*Nowej Kultury*» Гемпель пытался продолжить это полезное издание, что и привело его в конце 1924 г. ко мне во Львов.

Так состоялась наша вторая встреча. Проект Гемпеля заключался в том, чтобы, воспользовавшись более либеральной тогда еще львовской цензурой, издать оставшиеся от «*Nowej Kultury*» материалы. Я обещал помочь. Вскоре — в январе 1925 г. — в продаже появилась небольшая

книга под названием «Myśl Proletariacka», последний боевой залп популярного журнала, у которого было отнято право на легальное существование и пропаганду нефальсифицированной правды.

Среди многих работ Гемпеля в «Nowej Kulturze» заслуживает внимания цикл статей под названием «Десять заповедей господ бога». Это были не абстрактные рассуждения о происхождении десяти «божественных» заповедей, а серьезное исследование современных общественных отношений. Этот цикл статей отвечал актуальным политическим требованиям партии и распространялся в виде брошюры как пропагандистский материал.

В 1920-х годах Гемпель много раз ездил, — конечно, нелегально, — за границу по партийным делам. Он часто бывал в Гданьске и в Берлине, где встречался с членами Политбюро.

Во время пребывания в Советском Союзе (1925) ему удалось побывать в нескольких сельскохозяйственных артелях и коммунах Саратовской области. Свои впечатления он описал в брошюре, изданной в Варшаве в 1926 г.³ Хотя брошюра была обращена к «далекому будущему» и издана легально, в ней было много ценного фактического материала. Это была, в сущности, подлинно партийная пропаганда.

Гемпель с энтузиазмом относился к Советскому Союзу, где жизнь была ключом. 15 января 1926 г. он писал сестре из Москвы: «После нашего смертельного застоя, после безжизненности, которая у нас господствует во всех областях, здесь сразу же окунаешься в водоворот новых проблем, в водоворот лихорадочной творческой работы. Здесь чрезвычайно много сделали как в области экономики, так и в литературе, не говоря уже о просвещении»⁴.

В 1929—1932 гг., после продолжительного перерыва, я довольно часто встречался с Яном, в связи с моей работой в центральной партийной редакции⁵. Мы обсуждали вместе некоторые издания, а также отдельные статьи.

Популяризатор науки, лектор, выдающийся коммунистический деятель в борьбе против суеверий, за научное мировоззрение, воспитатель целого поколения работников в области просвещения и кооперации — таким знали Гемпеля широкие трудящиеся массы.

Своей активностью и неутомимой энергией Гемпель быстро завоевал доверие и авторитет среди нелегального актива партии. С течением времени его все чаще и чаще привлекали к особо ответственной работе. Он был членом сельскохозяйственного, кооперативного и других отделов ЦК, работал в центральной подпольной редакции. В 1923 г. он участвовал в историческом II Съезде Коммунистической партии Польши, выработавшем ленинскую стратегию и тактику. На этом съезде Гемпеля избрали кандидатом в члены ЦК. В 1925 г. он принял участие в IV партийной конференции, которая осудила проявления сектантства и ультралевый курс. Убедительно используя факты, накопленные во время своей работы в легальных учреждениях, Вольский (под этим псевдонимом Гемпель выступал на конференции) охарактеризовал отрицательное воздействие сектантской замкнутости, которая отрывала партию от масс.

В 1927 г., через несколько лет после запрещения «Nowej Kultury», при деятельном участии Гемпеля был создан литературный журнал «Dziwnia», а позднее — в 1929 г. «Miesięcznik Literacki». Эти журналы сгруппировали вокруг себя передовых польских литераторов во главе с Вл. Броневским, В. Вандурским, Ст. Р. Станде. Гемпель в это время все больше внимания уделял проблемам литературной критики и теории художественной литературы. Эти вопросы были близки ему и ранее. Он был лично знаком с Жеромским, Стругом, Орканом. В первом номере «Dziwnia» он опубликовал статью под выразительным заглавием «Посредственность».

в которой обрисовал тогдашнее состояние польской литературы и театра. В следующих номерах печатались его статьи, посвященные различным сторонам культурной жизни Польши. На страницах «Miesięcznika Literackiego» его имя появлялось реже, но он принимал самое деятельное участие в редактировании материалов, публиковавшихся в этом журнале, а также участвовал во внутренних редакционных дискуссиях.

Обладая широким кругом знакомств в разных общественных слоях, Гемпель оказывал нелегальной партии существенную помощь, — то собирая подписи к различным обращениям, то выступая от своего имени.

Сохранилось его письмо к Стефану Жеромскому от 10 января 1925 г. в связи с обличениями полицейского режима в известном романе Жеромского «Канун весны». В этом письме Гемпель предлагал писателю добавочную информацию «о польском рабочем движении».

«Чтобы предупредить всякие недоразумения, — читаем мы в этом письме, — сообщаю, что я не собираюсь убеждать вас и вести с вами дискуссию. Я просто вижу, что вы не знаете многих вещей, возможно из-за отсутствия контакта с массами, и поэтому считаю своей обязанностью, по мере возможности, информировать вас. Как использовать в своем художественном творчестве мою информацию — ваше дело. Знаю, что вы великий художник, и мне хочется, чтобы такой художник, как вы, был надлежащим образом информирован»⁶.

Состоялась ли встреча Гемпеля с Жеромским, — неизвестно. Знаменитый романист был тогда уже очень болен и в ноябре того же года скончался. Среди оставшихся после него документов было найдено несколько нелегальных воззваний КПП 1925 г. — вероятнее всего, они были присланы Гемпелем.

Несколько раз Гемпеля выдвигали кандидатом в сейм и сенат, а также привлекали к руководству различными массовыми организациями. После нескольких лет пребывания на «легальном» (весьма непрочном) положении он стал как бы представителем партии. К нему обращались, когда хотели установить контакт с партией или передать какие-либо сведения. Он сам дважды входил в краевой Секретариат КПП, который по конспиративным соображениям часто менял свой состав.

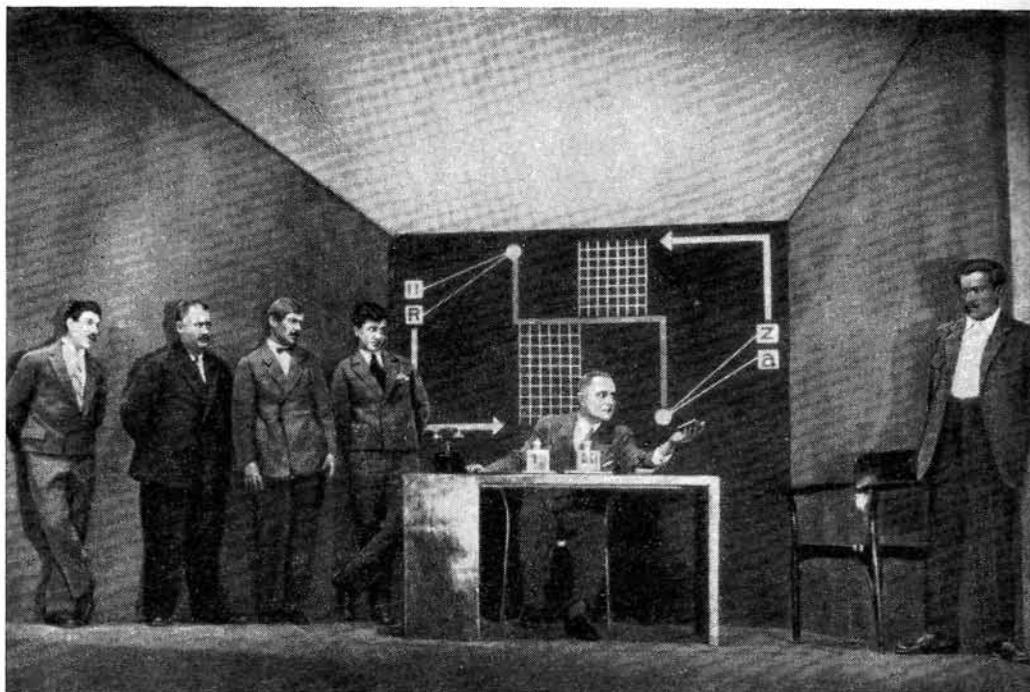
Полиция многократно арестовывала Гемпеля, но ему каждый раз удавалось вернуться на свободу: то его оправдывали вследствие отсутствия доказательств «вины», то отпускали под залог — и вновь он включался в партийную работу.

О последнем его аресте в августе 1931 г., в связи с полицейским запретом «Miesięcznika Literackiego», написал свое известное стихотворение «Магнитогорск, или разговор с Яном» Вл. Броневский, заключенный в одну камеру с Гемпелем:

Сижу и считаю часы. Яну что до кровати —
задремал на полу, прислонившись к стенке,
на лысине его, как на циферблате,
четверть пятого показывают стрелки.

Застонал, проснулся: спать жестко,
расправил сутуловатые плечи.
«Знаешь, — говорит, — в Магнитогорске
сегодня задуют две первые печи...»⁷

В польских архивах сохранились материалы, связанные с арестами Гемпеля. В одном из документов, датированном 8 мая 1930 г., содержится следующее описание его примет: «Рост — 1,64, волосы — седые, фигура стройная, лоб наклонный, рот средний. Владеет польским, русским, французским, немецким, английским и португальским языками».

ПЬЕСА ВИТОЛЬДА ВАНДУРСКОГО «РАБАН» НА СЦЕНЕ ТЕАТРА
МОСПС, 1932

Постановка Е. О. Любимова-Ланского; художники В. и Г. Стенберг

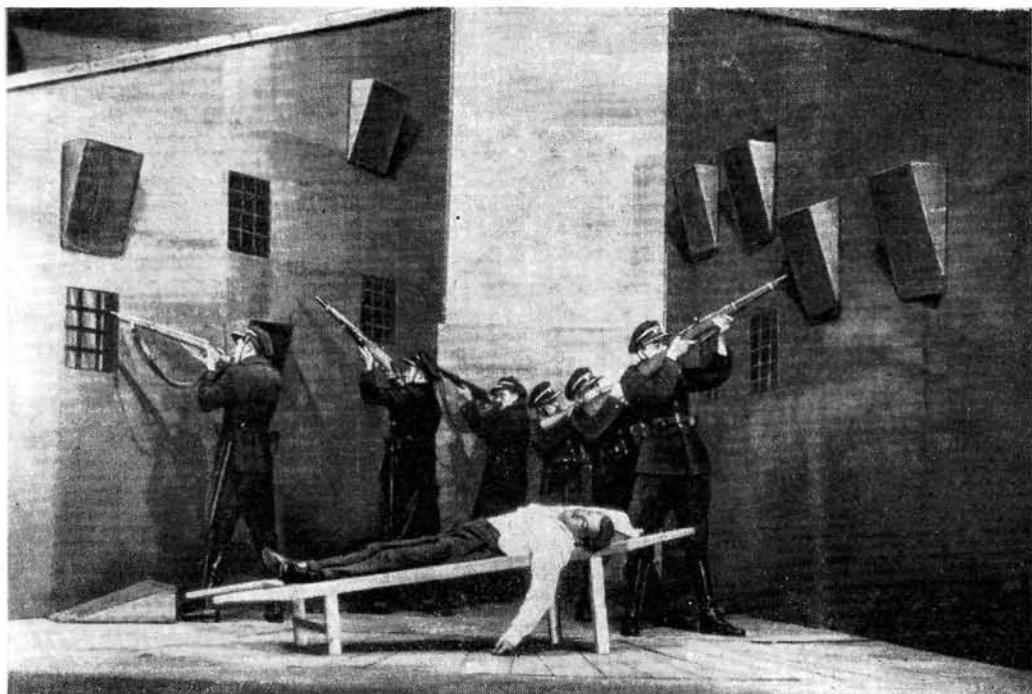
Фотография, акт II

Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

Сохранилось несколько писем Гемпеля, написанных в Гданьске и в Германии в первой половине 1928 г. Кажется, это был самый длительный период его пребывания за границей после первой мировой войны. «У меня все время уходит на чтение... Я изучаю философские труды. Чем более я погружаюсь в философию диалектического материализма, тем более жалею, что так много лет моей жизни я бродил по бездорожью пустого идеализма и даже увлекался мистицизмом...»⁸

С сестрой его связывала близкая дружба; он делился с ней впечатлениями о каждой своей поездке, чуть ли не о каждой прочитанной книге. Не все его письма сохранились, — многие из них были перехвачены польской политической полицией, которую чрезвычайно интересовало содержание корреспонденции Гемпеля. В архивах сохранились «отчеты» любельского старосты, относящиеся к ноябрю 1932 г. В них, на основании секретных сведений, сообщалось, что Ванда Папевска переписывается со своим братом Яном Гемпелем, известным коммунистическим литератором, который бежал из Варшавы, где его ожидал суд, и теперь находится в Советском Союзе, скрываясь под псевдонимом Ян Висляк»⁹.

Действительно, после ареста членов редакции «Miesięcznika Literackiego» в августе 1931 г., когда Гемпеля выпустили на свободу под залог после нескольких недель тюремного заключения, он уже не мог оставаться в Польше. Было известно, что власти готовят против него процесс для окончательной расправы. В этой ситуации руководство КПП приняло решение о выезде Гемпеля в Германию. Оттуда он, после длительной болезни, перенеся тяжелую операцию, отправился по поручению партии

ПЬЕСА ВИТОЛЬДА ВАНДУРСКОГО «РАБАН» НА СЦЕНЕ ТЕАТРА
МОСПС, 1932

Постановка Е. О. Любимова-Ланского; художники В. и Г. Стенберг

Фотография, акт IV

Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

(в мае 1932 г.) в Москву. Политическая полиция внимательно следила за его передвижением.

Письма Гемпеля периода его эмиграции в СССР представляют собой исключительно ценный биографический материал. Они свидетельствуют о его разносторонних интересах, о многообразной публицистической деятельности, об увлечении социалистическим строительством. Лишь изредка, как бы мимоходом, сообщал он о своих личных заботах и горестях. Зато он очень подробно писал об экономических достижениях Советского Союза, о новых явлениях в литературе и искусстве. В этих письмах то и дело проглядывает беспокойство о судьбах коммунистического движения в Польше; в них ощущается живое, непосредственное отношение к каждому важному общественному явлению.

Несмотря на свою увлеченность, Гемпель чувствовал, что в нем усиливается тоска по родине, по непосредственной революционной работе в Польше. Живя в деревне, он писал 30 ноября 1935 г.: «Я особенно часто мысленно бываю с вами, на родине, и мечтаю о том, чтобы и у нас, наконец-то, начали строить новую жизнь, рушить старые, обветшалые учреждения, привлекать массы к борьбе за новый мир и нового человека. Хотелось бы дождаться падения старого, прогнившего строя. Хоть здесь и строится новый мир, но ведь каждый из нас неразрывно сросся со своим клочком земли и не может не чувствовать себя здесь эмигрантом...»¹⁰

А почти через год, в связи с обсуждением на VIII Съезде Советов новой Конституции СССР, он написал следующие знаменательные строки: «Все,

что было предсказано, за что боролись и проливали кровь, все это осуществляется в наши времена. Лишь одно печалит — это собственная старость — хочется еще жить и жить, чтобы бороться за этот новый и лучший мир и дожить до времени дальнейшего осуществления идеалов марксизма, дальнейшей борьбы за лучшее будущее человечества...»¹¹

Ностальгия только изредка прорывалась на страницы его писем. В этом также раскрывался характер человека, рвущегося к жизни, к непосредственной революционной деятельности. В тогдашних условиях возвращение Гемпеля — широко известного и уже немолодого человека — на нелегальную работу в Польшу было невозможно. Легально жить и работать в Польше ему также нельзя было — Гемпель был заочно осужден. И он по-прежнему активно отдавался своей многосторонней деятельности в Москве.

В 1933—1935 гг. я работал вместе с Гемпелем, часто с ним беседовал и был хорошо осведомлен о его занятиях и планах. Чтение писем Гемпеля воскресило в памяти дела и заботы, которые сближали нас в те годы.

После моего приезда в Москву в середине 1933 г. я встретился с Яном. Как всегда скромно одетый, бодрый, с улыбкой на лице он просиживал первую половину дня в тесном помещении «Trybuny Radzieckiej», где находилась также и редакция «Kultury Mas». Гемпель был заместителем редактора этого журнала. Для него это было очень привлекательное занятие, так как давало ему возможность много разъезжать, встречаться с людьми, устанавливать связи с литературной средой. Одновременно он занимался переводом классиков марксизма-ленинизма на польский язык.

Вскоре в Москве была создана польская секция Издательства иностранных рабочих. Гемпеля направили туда на работу, и он вошел в состав коллектива, который подготавливал под руководством Софьи Дзержинской многотомное издание Ленина на польском языке (несколько томов этого издания вышло в Польше легально). Кроме того, он был литературным консультантом издательства, которое наряду с политической литературой начало издавать художественные произведения. Гемпель целиком ушел в работу, которая ему очень нравилась. Он прекрасно знал языки, имел большой литературный опыт.

Переводы классиков марксизма-ленинизма доставляли много хлопот, требовали детального обсуждения, согласования, а временами радикальной переработки. Чтобы точнее передать мысль, следовало иногда отказываться от стилистической гладкости и изящества перевода.

Постепенно Гемпель втягивался в практическую работу, которой он до того не занимался. Он консультировался со специалистами, когда встречал особенно трудные места, добывал новые и новые словари, сам составлял вспомогательный терминологический словарь, чтобы унифицировать повторяющиеся при переводах определения, специфические выражения, названия и т. д. Это была трудная, но очень нужная работа.

Основные интересы его, однако, все более обращались к литературной критике и к истории польской литературы. Он пристально следил за всеми литературными новинками, выходящими в Польше, выписывал изданные ранее книги и учебники. Со временем у него составила большая специальная библиотека, которая облегчала ему выполнение его многочисленных обязанностей не только для издательства, в котором он работал, но и для других учреждений. В Белорусской Академии наук в Минске, где в те годы занимал руководящую должность его старый знакомый Томаш Домбаль, Гемпель читал лекции о современной польской литературе. С лекциями и докладами о польской литературе он выступал также и в Москве — в польском клубе, на собраниях советских писателей и на встречах, организованных МОРПом. Его выступления пользовались успехом, росли его контакты с творческими кругами, росли и новые его

обязанности. К нему все чаще обращались различные советские издательства с предложением написать для них статью или отрецензировать рукопись. С его вступительным словом вышли польское и русское издания романа Леона Кручковского «Кордиан и хам», книги Ванды Василевской «Облик дня» и «Родина».

Я хорошо помню, с каким энтузиазмом он приветствовал две эти последние книги. Когда в 1934 г. в Москве были получены экземпляры «Облика дня», никто еще не знал молодой дебютантки, но каждый прочитавший «Облик дня» с восторгом отмечал новаторский стиль и глубокую идейность этого литературного репортажа о буднях буржуазной Польши.

«Яркий талант, необходимо срочно издать», — заявил наш литературный консультант.

«Конечно, но вам придется написать вступительную статью», — ответили ему.

Гемпель принялся за работу, но вскоре его стали одолевать сомнения. Не лучше ли несколько повременить, навести справки о молодой писательнице? Ее репортаж не давал ответа на вопрос — являются ли коммунисты силой, мобилизующей массы на борьбу... Его сомнения вскоре рассеялись. Однако след их все-таки можно найти во вступлении к польскому изданию «Облика дня», которое вышло в Москве в Издательстве иностранных рабочих. Зато следующий роман Ванды Василевской «Родина», который появился через год, Гемпель встретил с искренним восхищением. На этот раз у него никаких сомнений уже не возникало.

Гемпель мечтал о том, чтобы написать несколько марксистских работ по истории польской литературы, — например, обширные предисловия к избранным произведениям Мицкевича и Словацкого. Прекрасное знание литературы периода романтизма и истории польского народа облегчало ему эту трудную и новаторскую задачу. В первую очередь необходимо было подготовить избранные произведения Мицкевича на польском языке, входившие в план Издательства иностранных рабочих.

Гемпель внимательно перечитывает произведения великого национального поэта, знакомится со старыми и новыми работами о Мицкевиче. Результатом этой подготовительной работы был проспект будущего издания. Проспект этот был разослан польским партийным деятелям, находившимся тогда в Москве, с просьбой высказать свое мнение.

Во всех ответах, насколько я помню, предлагалось расширить объем издания, чтобы с большей полнотой отразить творческий путь Мицкевича. Наиболее серьезными были замечания Ежи Рынга — выдающегося члена руководства КПП, который, одобряя предложение Гемпеля, считал, однако, что нельзя ограничиваться изданием избранных поэтических произведений, а необходимо включить и наиболее значительные прозаические сочинения, свидетельствующие о демократических взглядах Мицкевича. Гемпель согласился с этими замечаниями и продолжал работу, но это означало также, что издание избранных сочинений придется отодвинуть на более поздний срок¹².

В своей повседневной работе и в отношениях с людьми Гемпель отличался лояльностью, дисциплинированностью, он был отличным товарищем. Я не помню случая, чтобы он не сдержал своего обещания или взятых на себя обязательств. Скромный до крайности, он не умел напоминать о своих правах, и это вызывало немало трудностей в его повседневной жизни, особенно в трудных квартирных условиях тогдашней Москвы. Он терпеливо, по-философски переносил все свои злоключения, был очень чуток к близким, всегда спешил им на помощь, если это было в его силах.

Как-то летом 1934 г., перед отъездом в отпуск, я сказал Яну, что хотел бы взять с собой книгу Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», не-

задолго до того выпешдшую в свет и уже распроданную. Упомянул я мимоходом, не рассчитывая даже на его помощь. Оказалось, однако, что, беседуя с Яном, нельзя бросать слов впустую. На другой день утром он пришел ко мне домой и вручил мне два тома Ясенского, попросив при этом с извиняющейся улыбкой, чтобы я вернул их в надлежащем виде.

Милейший, глубоко чуткий человек! Уже тогда ему было около шестидесяти лет; жили мы довольно далеко друг от друга. Но это для него не имело значения, когда надо было оказать услугу и проявить внимание.

Таков был Ян в ежедневном общении с товарищами, друзьями и близкими людьми.

Он умел быть и непримиримым, резким, язвительным. Это случалось с ним обычно во время дискуссий по важным проблемам, особенно тогда, когда он критиковал неправильные с его точки зрения взгляды. Глаза его тогда ярко блестели, и заикался он еще больше, чем обычно. Во время таких выступлений у Гемпеля нередко вырывались крайне резкие суждения и оценки. Он говорил, не думая, конечно, о том, что его выводы могут показаться обидными. А позднее он часто раскаивался и нередко приносил искренние извинения.

В конце 1935 г. мои личные связи с Гемпелем оборвались. С этого времени, насколько мне известно, он все больше занимался публицистической деятельностью в советских журналах, сочетая это с работой заместителя редактора «Kultury Mas». Он писал, редактировал, продолжал свои исследовательские изыскания по истории польской литературы.

П Р И М Е Ч А Н И Я *

¹ См. примеч. 3 на стр. 435.

² Воспоминания М. Груды.— Архив Института истории партии (Варшава).

³ Jan Wiślak. Komuny rolne w ZSRR. Warszawa, 1926. Брошюра была конфискована полицией.

⁴ Jan Hempeł. Listy do siostry. Wydawnictwo Lubielskie. 1961, str. 57.

⁵ Центральная партийная редакция ЦК КПП осуществляла общее руководство всеми печатными — легальными и нелегальными — изданиями, выходившими в буржуазной Польше по инициативе КПП.

⁶ Цит. по кн.: H. Mortkowicz-Olczakowa. «O Stefanie Żeromskim». Warszawa, 1965, str. 398.

⁷ Вл. Броневский. Избранное. М., 1961, стр. 96—97.

⁸ Jan Hempeł. Listy do siostry, str. 58. Письмо от 22 августа 1928 г.

⁹ Archiwum Zakładu Historii Partii, Teczka Jana Hempla.

¹⁰ Jan Hempeł. Listy do siostry, str. 158—159.

¹¹ Там же, стр. 217.

¹² Издание сочинений Мицкевича, подготовлявшееся Гемпелем, в свет не вышло.

* Составлены Ю. Ковальчиком.